

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94"15/18"

РЕЗУЛЬТАТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ (на материалах юга центральной России XVII–XVIII вв.)

© **Валерий Владимирович КАНИЩЕВ**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор исторических наук,
профессор кафедры российской истории, e-mail: valcan@mail.ru

© **Елена Вячеславовна БАРАНОВА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры российской истории,
e-mail: gortransport@gmail.com

© **Николай Анатольевич ЖИРОВ**

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
г. Елец, Липецкая область, Российская Федерация,
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры
русской истории и археологии, e-mail: zhirov-nikolai@mail.ru

Подведены некоторые итоги моделирования процесса историко-географического районирования одного из крупных регионов России на моменты пяти временных «срезов» – середины XVII, конца XVIII, середины и конца XIX, конца XX в. На основе проведенных экспериментов с применением суммарных экспертных оценок природно-географических, административно-политических, социально-экономических показателей определены количество и удельный вес «основных», «пограничных» и «посторонних» уездов южной части центра страны на каждый момент времени. Было построено 5 моделей, которые позволили сделать выводы о том, что в XVII–XVIII вв. изученный район существовал как зона южнорусского фронта со сложным сочетанием административных и хозяйственных границ; к концу XVIII в. сформировался центрально-земледельческий район с преобладанием зернового сельскохозяйственного производства и перерабатывающей промышленности; в течение XIX в. шло уточнение конфигурации границ региона в связи с завершением его заселения, неравномерным переходом отдельных уездов региона к неземледельческим занятиям; к концу XX в. в основном сохранились географические особенности региона, в социально-экономическом положении региона выявилась некоторая «пестрота» в сочетании сельского хозяйства и промышленности, перерабатывающей и других отраслей промышленности в разных областях и районах.

Ключевые слова: историко-географическое районирование; моделирование исторических процессов; юг центральной России; метод экспертных оценок.

Уже в начале изучения географического районирования Российской империи, развернувшегося почти 200 лет назад, ученые заговорили о необходимости учета не только природных, но и экономических отличий между большими регионами страны. Не-

сколько позже речь пошла о важности изучения культурно-исторических факторов при районировании территории России. Особое значение мы придаем идее П.П. Семенова о выделении внутри географических областей особых «полос», определенных не только по административным территориям, но и с учетом естественных и экономических условий уездов [1–5].

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 12-06-00195-а, государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки РФ (Задание № 33.956.2014/К).

Даже в первые годы советской власти, когда господствовала ленинская концепция экономического районирования России, в практических решениях революционных органов учитывались и естественно-природные факторы. В частности, об этом говорилось в декрете Совета Народных комиссаров от 27 января 1918 г. «О порядке изменения границ губернских, уездных и проч.» [6]. Классическим примером можно считать образование Брянской губернии, ядро которой составили западные уезды Орловской губернии, отличавшиеся не только в промышленном (пролетарском) отношении, но и являвшиеся, главным образом, лесными и болотистыми территориями в отличие от остальных, лесостепных орловских земель.

Хотя в XX в. географический фактор в Советском Союзе стал больше учитываться при проведении административно-территориального деления, определяющими факторами, как убедительно показал С.А. Тархов, оставались текущие политические проблемы государства [7].

Советские историки, занявшиеся в 1950–1960-е гг. проблемой распределения территории России на отдельные районы, вынуждены были считаться с идеологически непрекословной ленинской концепцией экономического районирования России. В отличие от них сейчас мы можем сказать: конечно, В.И. Ленин был эрудированным человеком и выдающимся мыслителем. Но все же он не был ученым в профессиональном смысле этого слова. Более того, его труд «Развитие капитализма в России» был явно направлен на обоснование определенных политических целей.

Но даже в условиях советского идеологического контроля историкам хватало мудрости выполнять задачу по подтверждению ленинской концепции районирования, фактически совершенствуя ее с помощью научных аргументов. Так, Я.Е. Водарский для периода конца XVII – начала XVIII в. из ленинской схемы больших экономических районов выделил более мелкие. Для нас наиболее интересно выделение Черноземного центра (Воронежской, Курской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний), явно отличавшегося от Левобережной Украины, Востока и Юго-востока Европейской части, которые В.И. Ленин вместе с Цен-

трально-Черноземным районом (ЦЧР) объединял в большой центрально-земледельческий район. Убедительно Я.Е. Водарский формулирует два основных признака районирования для периода XVII–XVIII вв. По характеру феодальной зависимости населения Черноземный центр в этот период относился к области преобладания феодально-зависимого от государства населения, по степени освоения территории – к районам, в которых заселение и освоение территории продолжалось в больших размерах [8]. Для XIX в. такой же состав ЦЧР предложил и крупнейший специалист по аграрной истории этого времени И.Д. Ковальченко [9].

В самое последнее время солидную основу для разработки историко-географического районирования России создали материалы нескольких международных конференций, проведенных географическими факультетами Санкт-Петербургского и Ленинградского государственных университетов под эгидой Русского географического общества с широким привлечением географов и историков из разных регионов России. В частности, на 4-й конференции был поставлен вопрос о создании серии региональных трудов «Историческая география России». Естественно, постановка такого вопроса потребовала выработки определенной схемы историко-географических областей. В основу схемы, в принципе справедливо, были положены природно-географические и этнические характеристики российских регионов. Но при этом практически не был использован исторический подход, учет того, что границы отдельных областей в ходе истории менялись. Так, состав Среднерусской Черноземной области предлагается с учетом соответствующего современного экономического района (Орловская, Липецкая, Курская, Тамбовская, Белгородская, Воронежская области). Авторы схемы не учитывают, что Белгородская и Липецкая области возникли только во второй половине XX в. При этом в состав Липецкой вошли несколько районов из Рязанской области, которая обычно в состав ЦЧР не включалась. Современные Орловская и Тамбовская области намного меньше соответствующих губерний 1790–1920-х гг. С одной стороны, области точнее, чем губернии «укладываются» по своим характеристикам в Среднерусскую Черноземную область.

С другой стороны, мы должны учитывать то, что в старых схемах историко-географического районирования (К.И. Арсеньева, П.П. Семенова, В.И. Ленина, Я.Е. Водарского и др.) в ЦЧР включались губернии. К тому же, историкам зачастую приходится работать с источниками, которые создавались губернскими властями.

Поскольку губернские и областные границы никогда точно не совпадали с географическими, для более точного районирования необходимо делать опору на уездные и районные данные. Учитывая это, а также существование «пограничных полос» внутри географических районов и между ними, считаем важным привлекать данные по сопредельным с изучаемым регионам. Мы не случайно предварительно определили район изучения как юг Центральной России. Считаем важным проверить гипотезу о том, что формальный Черноземный центр географически имел более широкую конфигурацию, и в него входили некоторые соседние территории. Вместе с тем некоторые территории включались в него необоснованно. Тем более эта конфигурация исторически менялась.

Для периода середины XVII в. основой изучения стали уезды, входившие в зону Белгородской оборонительной черты, а также прилегавшие к ним территории, которые были пограничными в конце XVI – начале XVII в.

Применительно к концу XVIII – началу XX в. в качестве основы для изучения были избраны уезды Воронежской, Курской, Орловской, Пензенской, Тамбовской губерний, а также сопредельные с ними территории Рязанской, Тульской, Саратовской губерний и области войска Донского. Для конца XX в. основой изучения стали области Центрально-Черноземного экономического района и сопредельные территории Брянской, Орловской, Рязанской, Тульской, Пензенской, Саратовской и Ростовской областей.

Учитывая отсутствие абсолютно точной информации, а главное необходимость выявления существенных качеств признаков историко-географических районов, мы посчитали необходимым моделирование «процедуры» районирования. Поскольку такие процедуры по определению субъективны, наиболее важным становится выбор метода формализации изученных показателей.

В свое время И.Д. Ковальченко для количественного измерения качественных признаков предложил использовать экспертные оценки. Такие оценки, по его мнению, наиболее подходят для измерения простых признаков, свойства которых однозначны и очевидны [10, с. 332-334]. Надеемся, что выделяемые нами признаки историко-географического района соответствуют такому подходу.

Среди прочих методов моделирования, предложенных И.Д. Ковальченко, мы обратили особое внимание на понятие экстенсивных показателей, при которых отдельные показатели (точнее их экспертные оценки) суммируются и дают как бы совокупную оценку признаков изучаемого объекта. При таком подходе нивелируются случайности учета только единичных признаков.

Мы также учли понятие факторного веса, который показывает уровень развития объекта по данному признаку. «Удобным» считаем предложенное И.Д. Ковальченко деление факторных весов на средний, повышенный и пониженный уровни. В нашей «процедуре» моделирования средним мы считали признак, наиболее типичный для изучаемого региона на данном временном «срезе». Ему присваивалась экспертная оценка 1. В тех случаях, когда признак той или иной административной единицы несколько отличался от типичного, ему выставлялась оценка 2. Для территорий, чьи показатели существенно отличались от основной части района, вводилась оценка 3.

В соответствии с принципом историзма для каждого отдельного временного «среза» периода середины XVII – конца XX в. мы предлагаем разный набор показателей, которые имели существенное значение для историко-географического районирования данного времени. Составляющие этого набора мы объясняем уже в процессе моделирования.

Итогом построения многомерной модели стало суммирование оценок всех показателей (экстенсивных показателей по И.Д. Ковальченко). Для заключения о принадлежности той или иной административной единицы к изучаемому историко-географическому региону мы считаем, что большинство показателей должны равняться 1, а в сумме $< n * 1,5$, где n = числу рассмотренных показателей района. Переходными мы предлагаем считать территории, для которых сумма показате-

телей будет равна $> n * 1,5 < n * 2,1$. Другими словами, это те территориальные единицы, среднее значение показателей которых было не более 2. Те территории, где среднее значение оказывалось более 2, мы относим к «посторонним», т. е. не входящим в данный историко-географический регион (см. приложение).

В первую очередь рассматривались отличительные географические признаки изучаемого региона и сопредельных территорий.

Одним из важнейших признаков в географическом районировании считается деление на *природные зоны*. В нашем случае речь идет о территории, которая относится к лесостепной полосе Европейской России. Для определения зоны расположения уездов Юга Центральной России в XVII в. мы использовали карту, которую наши коллеги по проекту РФФИ московские географы С.К. Костовска и В.Е. Стульшапку составили на основе «Книги большому чертежу» начала XVII в. Были также использованы опубликованные карты губерний и уездов Центра России начала XX в. и областей и районов конца XX в. На эти карты были наложены современные границы среднерусской лесостепи. Для определения отличий между изучаемыми административными единицами в модельной матрице мы предлагаем три оценки: 1) лесостепь (основной признак принадлежности к району); 2) частично лесостепь (небольшое отличие от основного района); 3) нелесостепь (существенно отличавшаяся лесная или степная зона).

Подсчеты показали, что почти 2/3 из уездов юга Центральной России середины XVII в. полностью находились в зоне лесостепи, около 20 % находились в этой зоне частично, почти столько же полностью располагались за пределами среднерусской лесостепи (табл. 1). К концу XVIII в. в том же регионе стало 86 уездов. К ним мы добавили для сопоставления 18 уездов Саратовской губернии и округов области войска Донского. Но даже в этом «расширенном» варианте большинство уездов располагались в зоне лесостепи. Если опустить данные по Саратовской губернии и области войска Донского, в которых только три уезда и округа частично располагались в лесостепи, процентное соотношение этих трех групп принимает такие значения: 63, 15 и 22. До конца XIX в. ввиду неизменности границ уездов эти соотношения не изменились.

Сравнение показателей середины XVII и конца XVIII – XIX в. показывает почти одинаковое соотношение уездов, относимых нами к югу Центральной России с их полным или частичным расположением в лесостепной зоне – 80 %. Наиболее очевидно расположение за пределами среднерусской лесостепи большей части пензенской территории – 4 из 5 уездов в XVII в., 9 из 10 – в конце XVIII – начале XX в. и нескольких уездов востока Рязанской и северо-востока Тамбовской губерний.

Таблица 1

Распределение экспертных оценок районирования уездов Юга Центральной России и сопредельных территорий в середине XVII – конце XX в. по показателю принадлежности к среднерусской лесостепи (в %)

Экспертные оценки	Середина XVII в.	Конец XVIII в.		Середина XIX в.		Конец XIX в.		Конец XX в.	
	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель
1	62	54	63	54	63	54	63	48	70
2	18	16	15	16	15	16	15	10	11
3	20	34	22	34	22	34	22	42	18

К концу XX в. после многих административно-территориальных перекроек, особенно дробления уездов на более мелкие районы, «пестрота» расклада значений показателя возросла. Немалое значение имел учет большого числа районов, прилегающих к основной территории юга Центральной России, Брянской, Ростовской и Саратовской областей. Без учета этих территорий мы видим явное преобладание районов, расположенных в среднерусской лесостепи. Географическое «несовершенство» административно-территориального деления конца XX в. включило в наши подсчеты треть районов южной части Центральной России, частично или полностью находящихся за пределами лесостепи.

Учитывая мнение почвоведов о начале современного этапа истории среднерусских черноземов примерно 400 лет назад, можно утверждать, что в начале изучаемого нами периода, в XVII в., границы *северных черноземных почв* были примерно такими же, как и сейчас [11, с. 1541-1547]. Средствами ГИС-технологий мы «наложили» эти границы на административные карты южных регионов Центра России XVII–XX вв. Но пришлось учитывать изменения в территориально-административных границах и, соответственно, числа уездов и районов, которые в разные времена по-разному (полностью или частично) попадали в зону чернозема (табл. 2).

Самый высокий процент «черноземности» в середине XVII в. получился в связи с тем, что для этого периода мы не учитывали донские и саратовские земли. Если не учитывать эти территории и для периода конца XVIII – конца XX в. (для последнего «среза» еще и брянскую территорию), получается, что в эти два столетия «коренные» губернии юга Центральной России точнее соотносились с зоной северного чернозема. Опять-таки вне ее оказались почти все пензенские уезды и районы, север и восток Рязанской губернии и области, северо-восток бывшей Тамбовской губернии.

В конца XX в. все районы Тамбовской области, как и соседней с запада Липецкой, находятся на черноземе. В Белгородской, Воронежской, Курской областях частично «заползли» в степную зону 2–5 районов. Наибольший разброс по расположению относительно черноземной полосы демонстрируют районы Рязанской области. Почти половина из 25 районов являются нечерноземными. С другой стороны, даже после выделения из территории бывшей Рязанской губернии Данковского и Раненбургского уездов в состав Липецкой области, в составе нынешней Рязанщины остались 4 «исконных» черноземных района. К тому же черноземными являются Сасовский и Шацкий районы, ранее входившие в состав Тамбовской губернии.

Таблица 2

Распределение экспертных оценок районирования уездов юга Центральной России и сопредельных территорий в середине XVII – конце XX в. по показателю почвы (в %)

Экспертные оценки	Середина XVII в.	Конец XVIII в.		Середина XIX в.		Конец XIX в.		Конец XX в.	
	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель
1	62	58	70	58	70	57	69	42	61
2	18	10	8	10	8	10	9	19	28
3	10	32	22	32	22	33	22	39	11

Несколько меньшим разброс значений показателя почв в конце XX в. оказался в Тульской области, где 5 районов из 22 располагались в нечерноземной зоне, 7 районов – в черноземной, а еще 10 – на границах двух зон. В Пензенской области черноземными можно считать 3 района, нечерноземными – 8, «переходными» – 17. Еще меньший разброс мы увидели в данных по Орловской области, 5 – черноземных, 1 – нечерноземный район, остальные 18 – пограничные. Даже в Саратовской области 5 из 38 районов относятся к зоне северного чернозема.

Все эти данные по Орловской, Тульской, Рязанской, Пензенской и, в какой-то мере, Саратовской областям говорят о частичной правомерности невключения их в современный Центрально-Черноземный экономический район.

По понятным причинам наиболее сложно было проводить районирование по *климатическим показателям*. За основу мы решили взять описательные сравнительные данные К.И. Арсеньева середины XIX в., условно признали их адекватными для временных «срезов» середины XVII и конца XVIII в. [1]. Для последующих «срезов» учтены инструментальные наблюдения и климатические карты. В ходе исследования были установлены некоторые изменения в распределении территорий юга Центральной России по температурному режиму и осадкам.

Решая задачу установить степень однородности основных показателей климата в рассматриваемом регионе, мы предприняли попытку сопоставить повседневные проявления погоды на отдельных отрезках XVII–XX вв. в разных частях Центра России с Русским народным календарем, определить особенности этих проявлений в Окско-Донском междуречье. Итогом исследования стала гипотеза о том, что Русскому народному календарю наиболее соответствовала погода Москвы и прилегающих к ней территорий, которые были центром формирования русского народа. Имеющиеся данные о погодах на территории между Окой и Доном говорят об их заметном отличии от московской и, самое существенное, большей расбалансированности относительно народных примет [12].

Сравнение описательных материалов К.И. Арсеньева и «Полного описания» показывает некоторые изменения территории

распределения температурного режима в течение второй половины XIX в. К концу периода географы по-прежнему относили к наиболее типичным, умеренным по температуре, большую часть уездов Пензенской и Тамбовской губерний. В эту группу теперь включались только восточные уезды Воронежской и Орловской губерний, а из разряда «прохладных» перешли юг Тульской и юго-запад Рязанской губерний. К переходной, «прохладной» группе, как и в середине века, в географической литературе относились большая часть Тульской, северо-восток Рязанской и Тамбовской губерний, северо-запад Пензенской губернии. К противоположной переходной, «теплой группе» были отнесены Курская, западные части Воронежской и Орловской губерний. Все эти наблюдения об изменениях климата во второй половине XIX в. требуют дополнительного изучения. Но в целом уже сейчас можно сказать, что они принципиально не меняли географическое районирование юга Центральной России по показателю температурного режима.

Распределение изучаемых территорий по *показателю осадков* было несколько иным. К наиболее типичным для середины XIX в. мы отнесли сравнительно сухие уезды юго-восточной части Центра России. Более увлажненными были уезды, расположенные к северо-западу от них. Особую группу составили уезды, располагавшиеся в засушливой зоне. Сравнение описательных данных К.И. Арсеньева и «Полного описания» показывает некоторое смещение сухих уездов на северо-запад, в бывшие ранее умеренно влажные уезды Воронежской, Курской и Орловской областей [1; 13, с. 43-44]. Возможно, это было связано с отмеченным еще учеными-естественниками, современниками описываемых процессов, нарастанием сухости в Центральном Черноземье конца XIX в.

Современные наблюдения о наступлении леса на степь, связанном с ростом температур и увлажненности на границе лиственных лесов и лесостепи, ставят вопрос о том, что некоторые части Тульской, а также Рязанской областей «выбывают» из состава историко-географического Центрального Черноземья [14].

Для определения типичных для изучаемого района социально-экономических про-

цессов в первую очередь мы привлекли показатели миграций и плотности населения. В XVII–XVIII вв. юг Центральной России был вновь заселяемой территорией. Миграционный поток из «старомосковского» Центра России в южном и юго-восточном направлениях постепенно вел к выравниванию *плотности населения*, одного из важнейших показателей районирования. Но к середине XIX в. иммиграция в регион перестала быть существенной. К концу XIX в. показатель вселения в регион утратил особое значение. Здесь, наоборот, начинается процесс аграрного перенаселения и, соответственно, массовой эмиграции из региона.

Для разделения количественных данных о плотности населения на качественные оценки мы решили использовать предложенное П.И. Кеппенем в середине XIX в. деление губерний России по степени населенности на «сильно населенные», «со средним населением» и «бедно населенные» [15, с. 8–10]. Изучаемый нами историко-географический район в XVII–XVIII вв. главным образом относился к группе «со средним» населением». Для соответствующих уездов предлагается экспертная оценка 1. Часть северных территорий района входила в лесную «сильно населенную» зону (оценка 2). Напротив, некоторые южные земли находились в степной «бедно населенной» полосе (оценка 3). В XIX–XX вв. значение экспертных оценок показателя плотности заметно менялось. В конце XIX в. преобладали уезды с

высокой по тем временам плотностью, около 40 человек на кв. км, в конце XX в. – с низкой – 10–20 человек на кв. км (табл. 3).

В середине XVII в. малозаселенных уездов по меркам того времени на юге Центральной России не было. Большая часть уездов этой территории оказалась заселенной средне. Несколько меньше относилось к наиболее плотно заселенным. В конце XVIII в. во всей изученной совокупности вновь оказалось более всего уездов со средней плотностью, высокая плотность была характерна для трети уездов, низкая – для десятой части. Сохранение преобладания первой группы было, прежде всего, связано с появлением в течение середины XVII – XVIII в. на юге Центральной России новых уездов, которые быстро заселялись до среднего уровня плотности. Заметная доля второй группы была связана с тем, что все уезды Орловской, Тульской и Рязанской губерний, а также северо-востока Тамбовской губернии стали наиболее плотно заселенными. Появление третьей группы связано не только с учетом донских и саратовской земель, но и с существованием в Воронежской губернии 2-х малонаселенных уездов. Пересчет без саратовских уездов и донских округов показал преобладание типичных для региона уездов со средней плотностью. Уездов с высокой плотностью осталось столько же, но их доля выросла. Малонаселенные уезды имели очень незначительный удельный вес.

Таблица 3

Распределение экспертных оценок районирования уездов юга Центральной России и сопредельных территорий в середине XVII – конце XX в. по показателю плотности населения (в %)

Экспертные оценки	Середина XVII в.	Конец XVIII в.		Середина XIX в.		Конец XIX в.		Конец XX в.	
	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель
1	54	52	51	63	76	63	65	38	38
2	46	38	47	13	9	35	21	26	30
3	0	10	2	24	15	2	14	36	32

В середине XIX в. во всей изученной совокупности оказалось более всего уездов с высокой плотностью – почти 2/3. Существенное преобладание первой группы было связано с окончательным заселением к середине XIX в. юга Центральной России большими группами крестьянства. Но некоторые юго-восточные территории этого большого региона еще продолжали осваиваться и достигли только средней плотности населения. В третьей группе находились не только «бедно населенные» степные донские округа и саратовские уезды, а также лесные Брянский и Трубчевский уезды Орловской губернии, Городищенский уезд Пензенской губернии, но и уже «перенаселенные» по меркам юга Центральной России, еще нетипичные для того времени отдельные уезды Курской, Орловской, Рязанской, Тульской губерний. Пересчет показателя плотности без саратовских уездов и донских округов еще убедительнее показал преобладание типичных для региона уездов с высокой плотностью. Доля уездов со средней и малой плотностью сократилась.

Данные конца XX в. оказались весьма специфическими. Они показывают некоторое преобладание малозаселенных районов как во всей совокупности, так и в группе территорий без учета Брянской, Ростовской и Саратовской областей. Вместе со 2-й группой (20–30 человек на кв. км) такие районы составляли около 2/3 при обоих вариантах подсчетов. По историческим меркам к концу XX в. на юге Центральной России произошло резкое снижение плотности населения, что стало типичной чертой этого большого региона. Районы с плотностью свыше 30 человек на кв. км, где были большие и средние города, и, наоборот, районы с очень низкой плотностью, где практически не было городского населения (3-я группа в наших оценках), не были характерны в конце XX в. для Центрально-Черноземного региона и прилегающих к нему территорий.

В историко-географическом районировании многонациональной и поликонфессиональной России важным является *этноконфессиональный* показатель. Для изучаемого нами региона принципиальное значение имеют изменения, связанные с ассимиляцией

русским народом и обращением в христианство некоторых «инородцев» и «иноверцев», а также приток в регион малороссов и немецких колонистов.

Категории населения, по которым косвенно можно определить «инородные» и «иноверные» элементы, стали фиксироваться уже в материалах подворных переписей, где нередко упоминались служилые черкасы (этнические украинцы), «новокрещенные» (в основном из мордвы и татар), «ясашные иноверцы» (мордва, татары, другие народы Поволжья) и т. д. Типичными для южной части Центральной России и сопредельных с нею земель мы посчитали территории, где население было полностью русским и православным с редкими, буквально единичными процентами «инородцев» и «иноверцев» (экспертная оценка 1). Во вторую группу мы включили уезды, где преобладали русские, но заметную долю составляли представители иных народов и религий. Экспертная оценка 3 присваивалась землям, где большинством были нерусские и неправославные жители (табл. 4).

Данные подворных переписей 1670-х гг. показали явное преобладание уездов с огромной долей русского и православного населения. Только в 4 пензенских и тамбовских уездах при общем преобладании русских доля «инородцев» и «иноверцев» была заметной. И лишь в Кадомском и Пензенском уездах большинство составляло ясачное население [8].

По данным конца XVIII в. в 3-ю группу из южных уездов Центральной России попал только Спасский уезд Тамбовской губернии, где наряду с русскими как минимум половину населения составляли некрещенные мордва и татары. В эту группу мы отнесли и Сальский округ области войска Донского, в котором практически все население было калмыками. Доля уездов 2-й группы для этого периода насчитывала чуть более десятой части. По-прежнему явно преобладали практически чисто русские и православные уезды. За вычетом из подсчетов донских и саратовских территорий этот показатель стал равняться 91 %. Другим словами, население юга Центральной России становилось все более однородно русским и православным.

Таблица 4

Распределение экспертных оценок районирования уездов юга Центральной России и сопредельных территорий в середине XVII – конце XX в. по показателю этноконфессиональной принадлежности населения (в %)

Экспертные оценки	Середина XVII в.	Конец XVIII в.		Середина XIX в.		Конец XIX в.	
	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель
1	88	87	91	80	80	76	74
2	8	11	8	15	15	23	24
3	4	2	1	5	5	1	2

По данным середины XIX в., в 3-ю группу попали 3 южных уезда Курской губернии с преобладающим малороссийским населением и Спасский уезд Тамбовской губернии, где более половины населения составляли некрещенные мордва и татары. В эту группу мы отнесли и Сальский округ области войска Донского. В целом на юге Центральной России явно преобладали практически чисто русские и православные уезды. «Переходная» группа исчислялась только в 15 %.

Примерно таким же оставалось распределение значений этноконфессионального показателя на юге Центральной России и в конце XIX в. Некоторое увеличение «переходной» группы, вероятнее всего, связано с большей точностью учета этнических и конфессиональных признаков населения в ходе переписи 1897 г. Хотя нельзя отбрасывать и такой фактор, как ассимиляция русскими «инородцев», в какой-то мере и миссионерскую деятельность православной церкви.

К концу XX в. этноконфессиональный показатель утратил значение для историко-географического районирования Центральной России. Во-первых, вследствие ассимиляционных процессов во всех районах Центра громадное преобладание русского населения стало очевидным. Во-вторых, районы с преобладанием мордвы были выделены в самостоятельную республику. В-третьих, в «безбожном» XX в. конфессиональная принадлежность перестала официально учитываться.

Вплоть до середины XIX в. сказывались особенности *социального состава* жителей

южной части Центра России. Применительно к середине XVII в. мы имеем в виду типичных для пограничья служилых людей (экспертная оценка 1). С другой стороны, в XVII в. те же территории заселялись тесно связанными со «старым» Центром дворцовыми, монастырскими и помещичьими крестьянами. Их преобладание было нетипичным для пограничных земель юга России того времени. Поэтому мы относим их к группе 2.

Полученное процентное соотношение 40 к 60 говорит о «глубоком» проникновении крепостничества в южные районы России уже в середине XVII в. (табл. 5). Изменения в социальной структуре населения южной части Центральной России в конце XVII – XVIII в. были связаны с переводом бывших служилых людей в однодворцы и значительным ростом на территории недавнего пограничья числа помещиков с крепостными крестьянами. Поскольку однодворцы жили значительно лучше крепостных, помнили о своем служилом прошлом, мы по-прежнему считаем их особой, характерной именно для рассматриваемого региона, социальной категорией, которая не была широко представлена в «старомосковских» уездах. Их преобладание оценивается единицей. Те уезды, где преобладали крепостные, экономические, дворцовые крестьяне, мы относим к группе 2. В связи с включением в «процедуру» районирования области войска Донского были выделена зона преобладания казаков, которой в наших показателях середины XVII в. не было. Подсчеты модельных данных по всей совокупности опять-таки показали преобладание уез-

дов с большинством крепостного населения. Специфические по российским меркам, но типичные для значительной части и юга Центральной России уезды с преобладанием однодворцев сохраняли значительное место – около трети изучаемых уездов. В середине XIX в. уезды с преобладанием однодворцев и близких к ним категорий государственных крестьян составляли менее трети. Преобладали уезды с большинством крепостного населения. Но без учета саратовских и донских земель, а также «пограничных» Пензенской, Рязанской и Тульской губерний их доля равнялась только 40 %. Другими словами, наиболее типичными для основной, черноземной части юга Центральной России (Воронежской, Курской, в меньшей мере Орловской и Тамбовской губерний) оставались уезды с преобладанием однодворцев и некоторых других категорий государственного крестьянства. После крестьянских реформ 1860-х гг. разделение крестьян на внутрисословные категории утратило существенное значение.

Самым существенным для аграрного общества вообще, особенно для вновь осваиваемых регионов, экономическим показателем является *доля распаханых земель*. Ввиду отсутствия точных данных о пашне вплоть до конца XVIII в. для определения этого показателя мы решили использовать данные Б.Н. Миронова о структуре природных угодий Европейской России по природным зонам [16, с. 23]. По этим данным, в лесостепной полосе доля пашни в природных угодьях приближалась к 20 %. Но это можно отнести только к лесостепной территории севернее Белгородской засечной черты. По-

этому мы отнесли уезды этой территории к типичным и присвоили им экспертную оценку 1. К югу от «черты» долгое время жить и пахать официально запрещалось. Но, как убедительно показано в исследованиях Ю.А. Мизиса и Д.А. Ляпина, других авторов, на этой территории и в условиях запрета велась хозяйственная деятельность в виде освоения бортных ухажав [17–18]. Поэтому мы учитываем эту территорию как зону минимальной экономической освоенности российскими людьми территории (экспертная оценка 3). Экспертная оценка 2 предложена для уездов с относительно высокой долей распашки (более 20 %), расположенных близко к «старому» Центру страны.

Хотя преобладание типичных уездов в середине XVII в. было значительным, доля территорий с высоким по тем временам уровнем распашки была также немалой (табл. 6).

В конце XVIII в. распашка новых земель на юге Центральной России и сопредельных территориях еще продолжалась. В части уездов она достигла уровня «старомосковского центра» и даже превзошла его. Поэтому типичной и явно преобладающей стала группа с относительно высоким уровнем распашки (оценка 1). Пятая часть уездов юга Центральной России и прилегающих территорий была еще распахана средне. В этот период оставались уезды с минимальной распашкой. Но без учета саратовских уездов и донских округов только один лесной Городищенский уезд Пензенской губернии оставался распаханым мало.

Таблица 5

Распределение экспертных оценок районирования уездов юга Центральной России и сопредельных территорий в середине XVII – конце XX в. по показателю социального состава населения (в %)

Экспертные оценки	Середина XVII в.	Конец XVIII в.		Середина XIX в.	
	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель
1	40	29	34	27	31
2	60	63	66	65	69
3	0	8	0	8	0

В середине XIX в. заселение территории юга Центральной России в целом завершилось. К типичным для региона уездам с экспертной оценкой 1 мы отнесли территории с долей пашни от 50 до 70 %. Экспертная оценка 2 предложена для уездов с еще не очень высокой долей распашки (25–49 %), 3 – для малоосвоенных территорий, а также для «старопахотных» уездов с распашкой свыше 70 %, что было нетипично для южной части Центра страны. Как видно из табл. 6, «расклад» 1-й и 2-й групп при обоих вариантах подсчетов сильно не отличался. Иными словами, процесс втягивания юга Центральной России в широкое зерновое производство еще не завершился. С другой стороны, высоким оказалось значение «чрезмерной» распашки, что было связано с включением в подсчеты давно осваиваемых территорий Орловской, Рязанской и Тульской губерний, а также «забежавших вперед» по темпам распашки нескольких уездов черноземных губерний. Именно эти уезды обозначили историческую тенденцию, которая к концу XIX в. стала преобладающей. Типичными для юга Центральной России к этому времени стали территории с удельным весом распашки свыше 70 %.

К концу XX в. мы применили тот же экспертный подход. Во всей изученной сово-

купности районы с повышенной распашкой составили более 40 %. Но без учета нетипичных Брянской, Ростовской и Саратовской области – уже более 60 %. 2-я группа при обоих вариантах подсчетов оставалась сравнительно большой. Все это значит, что юг Центральной России, особенно его центрально-черноземная часть, остается территорией преимущественно аграрного земледельческого развития. Это и является его главной экономической особенностью.

В еще большей мере об этом свидетельствует специально введенный нами показатель *экономической направленности*. Для периода XVII в. наиболее типичной экономической направленностью в рассматриваемом регионе можно назвать «аграрно-служилую», когда все население уезда занималось сельским хозяйством, совмещая его с военной службой на Белгородской черте (экспертная оценка 1). Население прилегающих к этим уездам северных и западных территорий уже перестало нести военную службу и практически полностью занималось сельским хозяйством. Поэтому 2-ю группу уездов мы называем аграрными. К 3-й группе уездов, аграрно-индустриальной, мы отнесли три уезда Тульско-Каширского района, где с середины XVII в. заметно развилось металлургическое производство (табл. 7).

Таблица 6

Распределение экспертных оценок районирования уездов юга Центральной России и сопредельных территорий в середине XVII – конце XX в. по показателю распашки земли (в %)

Экспертные оценки	Середина XVII в.	Конец XVIII в.		Середина XIX в.		Конец XIX в.		Конец XX в.	
	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель
1	60	69	80	40	48	63		41	63
2	36	22	19	32	22	35		51	32
3	4	9	1	28	30	2		8	2

Таблица 7

Распределение экспертных оценок районирования уездов юга Центральной России и сопредельных территорий в середине XVII – конце XX в. по показателю экономической направленности (в %)

Экспертные оценки	Середина XVII в.	Конец XVIII в.		Середина XIX в.		Конец XIX в.		Конец XX в.	
	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель
1	64	74	78	75	79	80	81	242	175
2	30	18	22	22	18	12	14	63	39
3	6	8	0	3	3	8	5	24	7

В течение второй половины XVII–XVIII вв. большинство уездов бывшей Белгородской черты утратили свои оборонительные функции и, в основном, стали чисто аграрными. Теперь они получили экспертную оценку 1. Часть из них приобрела заметные индустриальные функции (суконное и металлургическое производство). У этой группы осталась оценка 2. Замечен один «нелинейный» эффект, когда в связи с истощением рудной и топливной базы «захирел» Тульско-Каширский металлургический район, перестали быть индустриальными Алексинский и Каширский уезды. Для «чистоты эксперимента» мы должны были учесть, что прилегающие к югу Центральной России земли донских казаков были «аграрно-служилыми». Поскольку они были совсем нетипичными для конца XVIII в., их экспертная оценка составила 3. С учетом этих, а также саратовских земель, соотношение всей изученной совокупности по группам экономической направленности выглядело так: 74, 18, 8 %. Без учета прилегающих к южной части Центра страны территорий доля 1-й и 2-й групп поднялась на 4 %. Другими словами, при всех раскладах изучаемый регион оставался на этом временном «срезе» главным образом аграрным, хотя проникновение сюда крупной промышленности по сравнению с серединой XVII в. заметно выросло.

В середине XIX в. большинство уездов юга Центральной России были аграрно-индустриальными (естественно, по меркам промышленности того времени). Они получили экспертную оценку 1. Немало уездов

оставалось чисто аграрными – оценка 2. Некоторые территории запада и севера рассматриваемого большого района приобрели заметные индустриальные функции и могут быть отнесены к индустриально-аграрной группе (оценка 3). С учетом донских и также саратовских земель соотношение всей изученной совокупности по группам экономической направленности выглядело так: 75, 22, 8 %. «Отброс» прилегающих к южной части Центра страны территорий практически не изменил это соотношение, поскольку и там преобладала аграрно-индустриальная направленность.

К концу XIX в. ситуация изменилась только в том смысле, что на юге Центральной России и прилегающих территориях осталось совсем немного чисто аграрных уездов и округов (теперь они получили экспертную оценку 3) и, напротив, увеличилось число территорий индустриально-аграрной направленности (оценка 2). Преобладающей оставалась аграрно-индустриальная группа (оценка 1). Такая же направленность осталась преобладающей и в конце XX в. Доля «пограничной» индустриально-аграрной группы сохранялась также примерно на одинаковом уровне в сравнении с предыдущими временными «срезами». По-прежнему единичными процентами исчислялся удельный вес нетипичных для юга Центральной России и прилегающих территорий исключительно промышленных или аграрных районов.

Применительно к XIX–XX вв. мы обратили внимание на распределение промышленности на тяжелую и добывающую, с од-

ной стороны, и перерабатывающую – с другой. Именно преобладание переработки сельхозпродукции было характерно для аграрных территорий юга Центральной России. Такое преобладание мы оцениваем экспертной оценкой 1. В середине XIX в. во многих уездах рассматриваемого региона вообще не было промышленных предприятий. Такие уезды мы включили в группу 2. Совершенно нетипичным для среднерусской земледельческой полосы было преобладание в отдельных уездах тяжелой и добывающей промышленности (группа 3).

Изучение всех уездов и округов трех периодов показало, что наше предположение о преобладании в регионе перерабатывающей промышленности получила достаточно точное подтверждение (табл. 9). Даже в конце XX в., когда на юге Центральной России и в прилегающих территориях появилось немало современных промышленных центров тяжелой и добывающей промышленности, районы с преобладанием переработки сельхозсырья остались преобладающими, особенно в центрально-черноземной части этого большого района.

На всех срезах 1-я группа оказалась преобладающей, но только в конце XVIII в. имела явное преимущество (табл. 9). С другой стороны, при всех подсчетах малой оставалась нетипичная для района 3-я группа. Всегда значительной оставалась «пограничная» группа. Все это означает, что избранные нами социально-экономические критерии обладают высокой, но далеко не абсолютной четкостью. Конечно, социально-экономические критерии, необходимые для районирования во многом однородной, на большей части своей истории аграрной страны выделить непросто. Особенно это касается разделения «чисто» аграрных и аграрно-индустриальных (с одним винокурным или сахарным заводом) уездов или районов. Не случайно в конце XVIII в., применительно к которому мы вводили только один экономический критерий (направленности экономики), преобладание сугубо аграрной направленности было явным. Но и упрощать критерии для последующих, более сложных в со-

циально-экономическом отношении периодов, мы не имели права.

Нас «успокаивает» другое: распределение сумм экспертных оценок по более объективным географическим критериям оказалась очень близкой.

Мы видим, что географический фактор районирования медленно рос (табл. 10). Это свидетельствует о постепенно большем учете властями природных границ. Наиболее ярким примером можно считать образование в 1920 г. Брянской губернии, ядро которой составили западные уезды Орловской губернии, отличавшиеся в экономическом (промышленном) отношении и являвшиеся главным образом лесными и болотистыми территориями в отличие от остальных лесостепных орловских земель.

В XVII–XVIII вв. заметную для районирования роль играл военно-политический фактор, принадлежность изучаемого историко-географического района к зоне южного русского фронта. Но к концу XVIII в. этот показатель различий между уездами юга центральной части Европейской России утратил свое значение. В условиях примерно одинакового социально-экономического развития юга Центральной России и прилегающих территорий наибольшее значение приобретали географические признаки. Только в конце XVIII в. их суммарная оценка была ниже суммы социально-экономических показателей. Во все остальные периоды комплекс географических показателей был определяющим, особенно в «коренной» части юга Центральной России. Большая доля «пограничных» уездов и районов говорит не только об «искусственности» учета примыкающих к Центральному Черноземью территорий. Такой учет все-таки был необходим. На каждом временном «срезе» мы «уловили» в этой группе по несколько десятков уездов и районов, не относившихся формально к ЦЧР, но имевших признаки этого региона. Напротив, внутри Центрально-Черноземных губерний и областей всегда оказывались территории с признаками «пограничности». Понятно, что это отразилось в распределении экстенсивных экспертных оценок.

Таблица 8

Распределение экспертных оценок районирования уездов юга Центральной России и сопредельных территорий в середине XVII – конце XX в. по показателю отраслевой структуры промышленности (в %)

Экспертные оценки	Середина XIX в.		Конец XIX в.		Конец XX в.	
	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель
1	82	82	83	84	37	49
2	6	6	10	10	32	29
3	12	12	7	6	31	22

Таблица 9

Распределение экспертных оценок районирования уездов юга Центральной России и сопредельных территорий в середине XVII – конце XX в. по сумме социально-экономических показателей (в %)

Экспертные оценки	Середина XVII в.	Конец XVIII в.		Середина XIX в.		Конец XIX в.		Конец XX в.	
	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель
1	48	78	80	54	61	52		45	56
2	46	17	20	41	36	35		36	32
3	6	5	0	5	3	15		19	12

Таблица 10

Распределение экспертных оценок районирования уездов юга Центральной России и сопредельных территорий в середине XVII – конце XX в. по сумме географических показателей (в %)

Экспертные оценки	Середина XVII в.	Конец XVIII в.		Середина XIX в.		Конец XIX в.		Конец XX в.	
	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель
1	66	57	67	58	68	57		48	70
2	20	17	20	16	19	10		21	27
3	14	26	13	26	13	37		32	3

Таблица 11

Распределение экстенсивных экспертных оценок районирования уездов юга Центральной России и сопредельных территорий в середине XVII – конце XX в. (в %)

Экспертные оценки	Середина XVII в.	Конец XVIII в.		Середина XIX в.		Конец XIX в.		Конец XX в.	
	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских земель	Юг Центр. России и сопредельные территории	Юг Центр. России без саратовских и донских и брянских земель
1	38	41	42	55	65	33	39	41	60
2	50	47	49	32	30	44	53	34	36
3	12	12	9	13	5	15	8	25	4

Итоговая табл. 11 показывает, что «твердо» к единому региону только на некоторых временных «срезах» относилось большинство уездов или районов. Нередко преобладала «пограничная» группа. Но во всех случаях нетипичные аграрно-территориальные образования в изученной совокупности были в явном меньшинстве. Все это объяснимо при расширительном подходе к районированию и субъективности экспертных оценок.

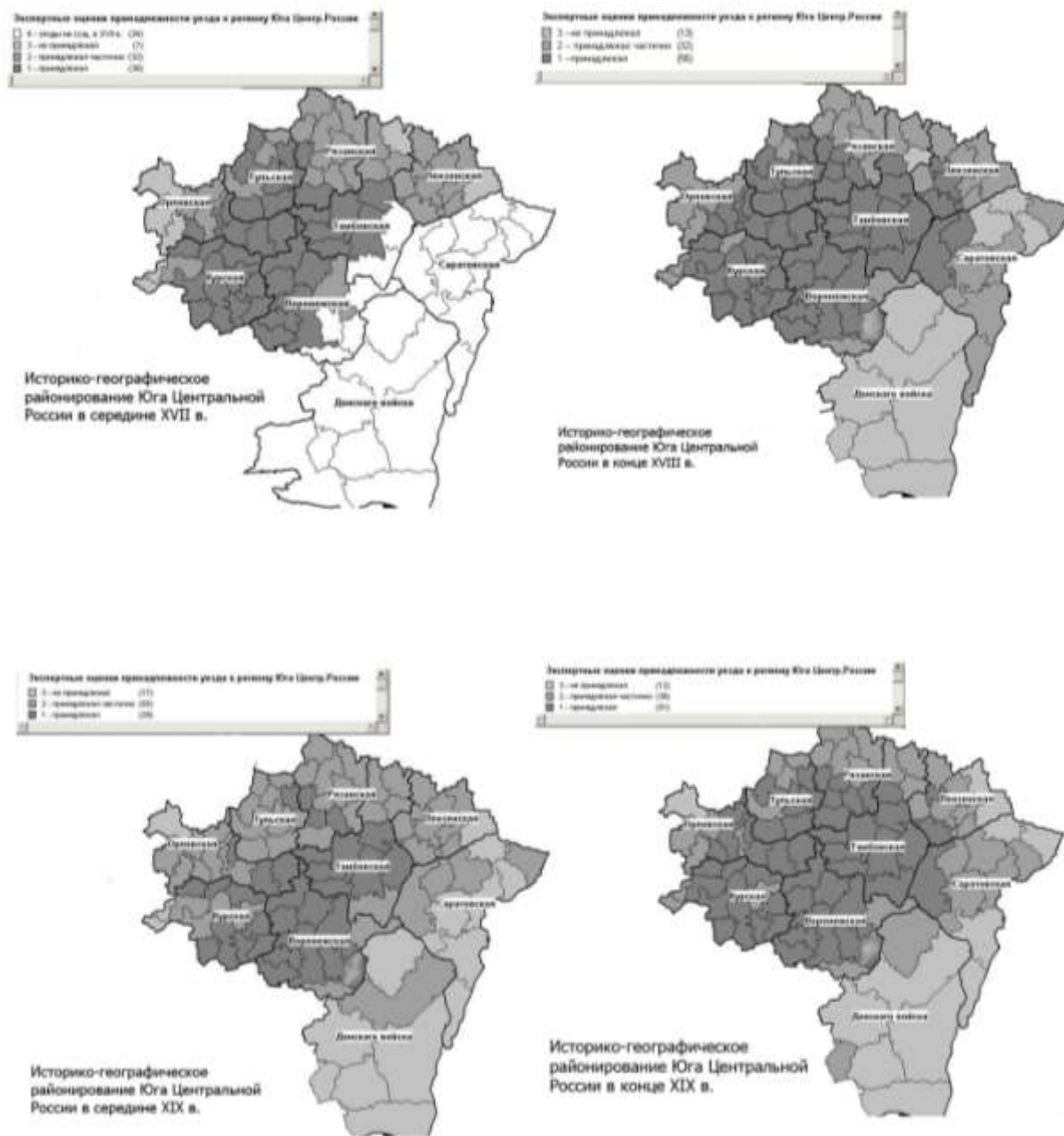
И все-таки на основании представленных карт (рис. 1) можно говорить о длительном существовании устойчивой территории на юге Центральной России, которую можно квалифицировать как единый историко-географический район. Причем этот район всегда был шире современного Центрально-Черноземного экономического района. Практически во всех прилегающих губерниях и областях были уезды и районы, которые официально не попадали в Центрально-Черноземный регион по каким-то административным соображениям. В наибольшей мере это относится к восточной части Орловской области, юго-восточной части Тульской области и юго-западной части Рязанской области. С другой стороны, наше исследование не подтверждает мнения некоторых историков, которые относили к Черноземному Центру Пензенскую область.

Вместе с тем следует признать появление в конце XX в. в «коренном» Центрально-Черноземном регионе некоторой «рыхлости» общей территории. Несколько районов в силу социально-экономических особенностей

оказались в «пограничной» группе. В части из этих районов определяющими показателями стали промышленная направленность, преобладание тяжелой и добывающей промышленности над сельским хозяйством и, соответственно, высокая плотность населения. Наоборот, несколько районов остались сугубо сельскохозяйственными, нередко с отсутствием перерабатывающей промышленности вообще, с очень низкой плотностью населения. Наиболее наглядно это проявилось в центральной и восточной части Липецкой области, которая является явно лесостепной и черноземной по географическому положению, но по промышленной «продвинутой» нетипичной для Центрального Черноземья.

И все-таки можно говорить об определенных, более-менее точных итогах моделирования районирования юга Центральной России для разных временных «срезов». Удалось построить 5 моделей историко-географического районирования избранного региона для 5 временных «срезов». Эти модели представляются нам адекватными, в целом верифицируются имеющимися в историко-географической литературе представлениями о специфике Центрально-Черноземного района и прилегающих к нему территорий на разных отрезках истории. Они позволяют сделать следующие выводы:

1) в XVII–XVIII вв. район существовал как особая зона южнорусского фронта со сложным сочетанием административных и хозяйственных границ;

Рис. 1. Историко-географическое районирование юга Центральной России в середине XVII в, конце XVIII в., середине XIX в., конце XIX в.

2) к концу XVIII в. сформировался центрально-земледельческий район с преобладанием зернового сельскохозяйственного производства и перерабатывающей промышленности;

3) в течение XIX в. (модели середины и конца века принципиально не отличаются) шло уточнение конфигурации границ изучаемого района в связи с завершением его заселения, неравномерным переходом от-

дельных уездов региона к неземледельческим занятиям;

4) к концу XX в. в основном сохранились географические особенности района, несмотря на сильное влияние антропогенного фактора на его природную среду. В социально-экономическом положении региона выявилась некоторая «пестрота» в сочетании сельского хозяйства и промышленности, перерабатывающей и других отраслей промышленности в разных областях и районах.

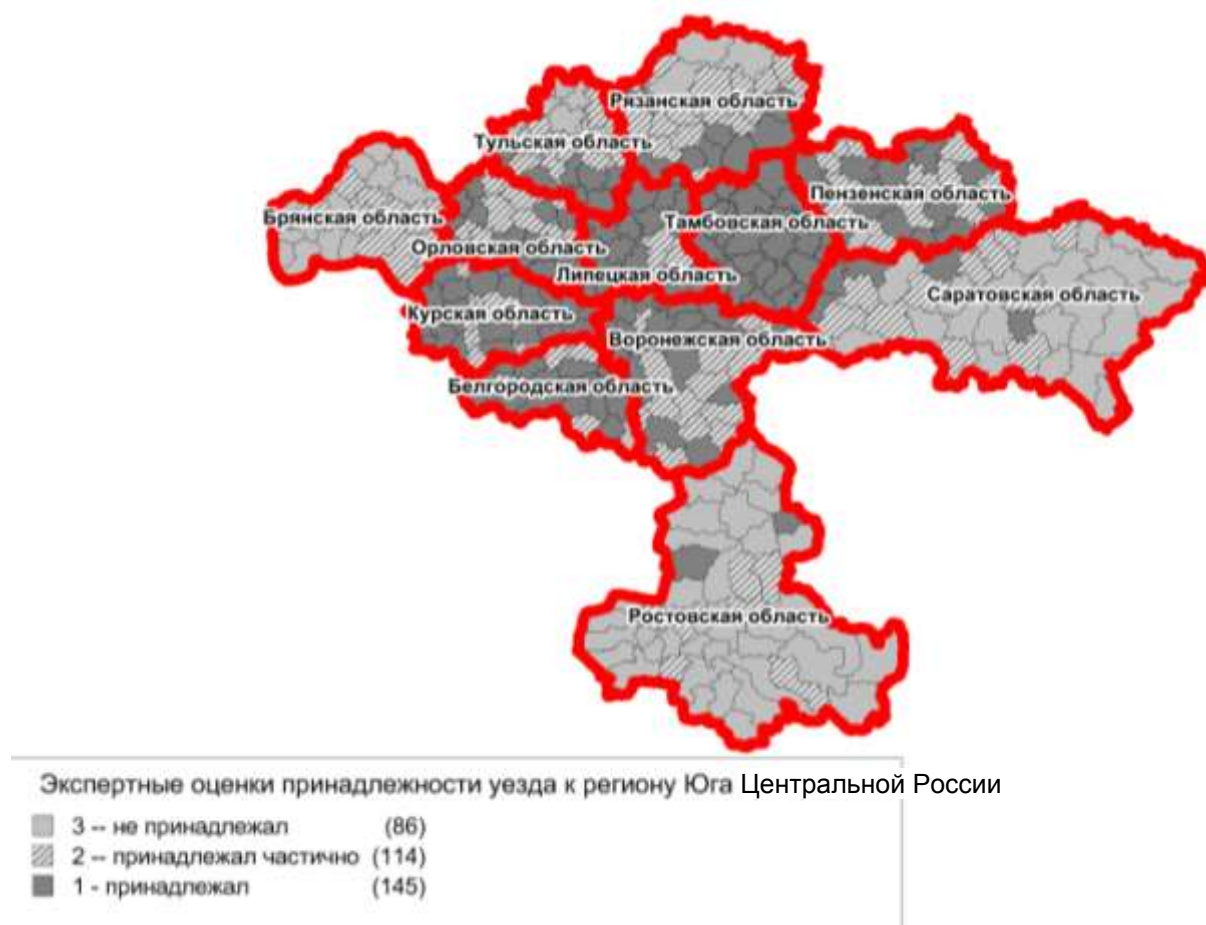

Рис. 2. Историко-географическое районирование юга Центральной России в конце XX в.

1. *Арсеньев К.* Статистические очерки России. Спб., 1848.
2. *Крубер А.А.* Физико-географические области Европейской России // *Землеведение*. 1908.
3. *Семенов П.П.* Населенность Европейской России в зависимости от причин, обуславливающих распределение населения империи // *Статистический временник Российской империи*. Спб., 1871. Вып. 2.
4. *Семенов П.П.* Несколько общих выводов из данных по статистике поземельной собственности и населенных мест Центральной Земледельческой области // *Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России*. Спб., 1880. Вып. 1. С. 14-64.
5. *Цинцадзе Н.С.* Демографические и экологические проблемы развития аграрного общества России во второй половине XIX – начале XX в. в восприятии современников. Тамбов, 2012.
6. СУ РСФСР. 1918. № 21. Ст. 318.
7. *Тархов С.* Динамика административно-территориального деления России в XX в. // *Россия и ее регионы в XX в.: территория – расселение – миграции*. М., 2005. С. 33-75.
8. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977.
9. *Ковальченко И.Д.* Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004.
10. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического познания. М., 1987.
11. *Канищев В.В., Ковалева Н.О., Ковалев И.В.* Историческое почвоведение Тамбовской области: первые результаты исследований // *Вестник Тамбовского университета. Серия Естественные и технические науки*. Тамбов, 2012. Т. 17. Вып. 6. С. 1541-1547.
12. *Канищев В.В.* Русский народный календарь и реальные погоды на Юге Центральной России в XVII–XX вв. // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. Вып. 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: материалы к Международной научной конферен-

- ции. Москва, 21–23 ноября 2013 г. М., 2013. С. 417-422.
13. Россия. Полное географическое описание нашего отечества: в 11 т. Спб., 1902. Т. 2.
  14. *Костовска С.К., Стульшанку В.О.* Природно-географические особенности среднерусской черноземной историко-географической области // Вестник Тамбовского университета. Серия Естественные и технические науки. Тамбов, 2012. Т. 17. Вып. 6. С. 1537-1540.
  15. Сборник статистических сведений о России. Кн. 1 / под ред. М.П. Заблоцкого. Спб., 1851.
  16. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Спб., 1999.
  17. *Ляпин Д.А.* На степном пограничье: Верхний Дон в XV–XVII вв. Тула, 2013.
  18. *Мизис Ю.А., Напольникова П.К.* Бортные уюжья, как форма заселения и освоения южнорусского пограничья в XVI–XVII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: материалы к Международной научной конференции. М., 2013.
  19. *Чернявский В.И.* П.П. Семенов-Тянь-Шанский и его труды по географии. М., 1955.
-
1. *Arsen'ev K.* Statisticheskie ocherki Rossii. Spb., 1848.
  2. *Kruber A.A.* Fiziko-geograficheskie oblasti Evropeyskoy Rossii // Zemlevedenie. 1908.
  3. *Semenov P.P.* Naseleinnost' Evropeyskoy Rossii v zavisimosti ot prichin, obuslovlivayushchikh raspredelenie naseleniya imperii // Statisticheskiy vremennik Rossiyskoy imperii. Spb., 1871. Vyp. 2.
  4. *Semenov P.P.* Neskol'ko obshchikh vyvodov iz dannykh po statistike pozemel'noy sobstvennosti i naselennykh mest Tsentral'noy Zemledel'cheskoy oblasti // Statistika pozemel'noy sobstvennosti i naselennykh mest Evropeyskoy Rossii. Spb., 1880. Vyp. 1. S. 14-64.
  5. *Tsintsadze N.S.* Demograficheskie i ekologicheskie problemy razvitiya agrarnogo obshchestva Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. v vospriyatii sovremennikov. Tambov, 2012.
  6. SU RSFSR. 1918. № 21. St. 318.
  7. *Tarkhov S.* Dinamika administrativno-territorial'nogo deleniya Rossii v XX v. // Rossiya i ee regiony v XX v.: territoriya – rasselenie – migratsii. M., 2005. S. 33-75.
  8. *Vodarskiy Ya.E.* Naselenie Rossii v kontse XVII – nachale XVIII veka. M., 1977.
  9. *Koval'chenko I.D.* Agrarnyy stroy Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala KhKh v. M., 2004.
  10. *Koval'chenko I.D.* Metody istoricheskogo poznaniya. M., 1987.
  11. *Kanishchev V.V., Kovaleva N.O., Kovalev I.V.* Istoricheskoe pochvovedenie Tambovskoy oblasti: pervye rezul'taty issledovaniy // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Estestvennye i tekhnicheskie nauki. Tambov, 2012. Т. 17. Вып. 6. S. 1541-1547.
  12. *Kanishchev V.V.* Russkiy narodnyy kalendar' i real'nye pogody na Yuge Tsentral'noy Rossii v XVII–XX vv. // Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Vyp. 3: Tret'i chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova: materialy k Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Moskva, 21–23 noyabrya 2013 g. M., 2013. S. 417-422.
  13. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva: v 11 t. Spb., 1902. Т. 2.
  14. *Kostovska S.K., Stulyshapku V.O.* Prirodno-geograficheskie osobennosti srednerusskoy chernozemnoy istoriko-geograficheskoy oblasti // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Estestvennye i tekhnicheskie nauki. Tambov, 2012. Т. 17. Вып. 6. S. 1537-1540.
  15. Sbornik statisticheskikh svedeniy o Rossii. Кн. 1 / pod red. M.P. Zablotskogo. Spb., 1851.
  16. *Mironov B.N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). SPb., 1999.
  17. *Lyapin D.A.* Na stepnom pogranih'e: Verkhniy Don v XV–XVII vv. Tula, 2013.
  18. *Mizis Yu.A., Napol'nikova P.K.* Bortnye ukhoz'ya, kak forma zaseleniya i osvoeniya yuzhnorusskogo pogranich'ya v XVI–XVII vv. // Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Vyp. 3: Tret'i chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova: materialy k Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. M., 2013.
  19. *Chernyavskiy V.I.* P.P. Semenov-Tyan-Shanskiy i ego trudy po geografii. M., 1955.

Поступила в редакцию 20.11.2014 г.

Приложение

Образец матрицы экспертных оценок. Середина XVII в.

Уезды / показатели	Природная зона	Почва	Температура	Осадки	Сумма гео	Политический контроль	Миграция	Плотность населения	Этноконфессиональный состав	Социальный состав	Пашня	Экономическая направленность	Сумма социально-экономических критериев	Сумма итог
Алексинский	1	1	2	2	6	3	2	2	1	2	2	3	15	21
Белгородский	1	1	1	2	5	1	1	1	1	1	1	1	7	12
Белевский	2	2	2	2	8	3	2	2	1	2	2	1	13	21
Богородицкий	1	1	2	2	6	3	2	2	1	2	2	1	13	19
Болховский	2	2	1	2	7	2	2	2	1	2	2	2	13	20
Брянский	3	3	1	2	9	3	2	2	1	2	2	1	13	22
Валуйский	1	1	2	1	5	1	1	1	1	1	1	1	7	12
Веневский	1	1	2	2	6	3	2	2	1	2	2	2	14	20
Воронежский	1	1	1	1	4	1	1	1	1	2	1	1	8	12
Данковский	1	1	2	1	5	2	2	1	1	2	1	1	10	15
Добренский	1	1	1	1	4	1	1	1	1	1	1	1	7	11
Елецкий	1	1	1	1	4	2	1	1	1	2	1	1	9	13
Епифанский	1	1	2	2	6	3	2	1	1	2	1	1	11	17
Ефремовский	1	1	2	2	6	2	2	1	1	1	1	1	9	15
Инсарский	3	3	1	1	8	1	1	1	2	1	1	1	8	16
Кадомский	3	3	2	2	10	3	2	2	3	1	1	2	14	24
Карачевский	2	2	1	2	7	3	2	2	1	1	2	2	13	20
Касимовский	3	3	2	2	10	2	2	1	2	2	2	2	13	23
Каширский	2	2	2	2	8	3	2	2	1	2	2	3	15	23
Керенский	2	2	1	1	6	1	1	1	2	1	3	1	10	16
Козловский	1	1	1	1	4	1	1	1	1	1	1	1	7	11
Короченский	1	1	1	1	4	1	1	1	1	1	1	1	7	11
Крапивенский	1	1	2	2	6	3	2	2	1	2	2	2	14	20
Кромский	1	1	1	2	5	2	2	2	1	2	1	2	12	17
Курский	1	1	1	2	5	2	2	1	1	2	1	2	11	16
Лебедянский	1	1	1	1	4	2	1	1	1	2	1	1	9	13
Ливенский	1	1	1	1	4	2	1	1	1	1	1	1	8	12
Мценский	1	1	1	2	5	2	2	2	1	1	1	1	10	15
Новооскольский	1	1	1	1	4	1	1	1	1	1	1	1	7	11
Новосильский	1	1	2	2	6	2	2	1	1	2	1	1	10	16
Обоянский	1	1	1	2	5	2	1	1	1	1	1	1	8	13
Одоевский	2	2	2	2	8	3	2	2	1	2	2	2	14	22
Орловский	1	1	1	2	5	2	2	2	1	2	1	2	12	17
Пензенский	3	3	1	1	8	1	1	1	3	1	1	1	9	17
Путильский	3	3	1	2	9	3	2	2	1	2	2	2	14	23
Романовский	1	1	1	1	4	1	1	1	1	2	1	1	8	12
Рыльский	1	1	1	2	5	3	2	2	1	2	1	2	13	18
Рязский	1	1	2	1	5	2	2	2	1	2	2	1	12	17
Рязанский	2	2	2	1	7	3	2	2	1	2	1	1	12	19
Саранский	3	3	1	1	8	1	1	1	2	1	3	1	10	18
Севский	3	3	1	2	9	3	2	2	1	1	2	2	13	22
Старооскольский	1	1	1	2	5	2	2	1	1	1	1	1	9	14
Судженский	2	2	1	1	6	1	1	1	1	1	1	1	7	13
Тамбовский	1	1	1	1	4	1	1	1	1	2	1	1	8	12
Темниковский	3	3	2	2	10	3	2	2	2	2	2	2	15	25
Трубчевский	3	3	1	2	9	3	2	2	1	2	2	2	14	23
Тульский	1	1	2	2	6	2	2	2	1	2	2	3	14	20
Чернавский	1	1	1	1	4	1	1	1	1	1	1	1	7	11
Чернский	1	1	2	2	6	3	2	2	1	2	1	1	12	18
Щацкий	2	2	2	1	7	2	2	1	1	2	2	1	11	18

UDC 94"15/18"

THE RESULTS OF MODELING OF HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL REGIONALIZATION (on materials of south-central Russia in 17th–18th centuries)

Valeriy Vladimirovich KANISHCHEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of History, Professor of Russian History Department, e-mail: valcan@mail.ru

Elena Vyacheslavovna BARANOVA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of History, Senior Lecturer of Russian History Department, e-mail: troveo@mail.ru

Nikolay Anatolyevich ZHIROV, Elets State University named after I.A. Bunin, Elets, Lipetsk region, Russian Federation, Candidate of History, Senior Lecturer of Russian History and Archaeology Department, e-mail: zhirov-nikolai@mail.ru

The research summed up the results of the modeling process, historical and geographical regionalization one of the largest regions of Russia at five time points, “slices” – the middle of the 17th century, the end of the 18th century, middle and end of 19th century, the end of the 20th century. On the basis of experiments with the use of expert estimates of the total natural and geographical, administrative, political, socio-economic indicators the number and proportion of “basic”, “border” and “outsiders” counties southern center of the country at any given time are determined. 5 models were built, which led to the conclusion that in the 17th–18th centuries the area existed as a southern Russian frontier zone with a complex combination of administrative and economic boundaries are formed, by the end of the 18th century the central agricultural region dominated by grain farming and processing industries, during the 19th century is formed the configuration of borders in the region in connection with the completion of his settlement, uneven transition of individual counties in the region to the non-agricultural employment took place; by the end of the 20th century mostly geographical features of the region were preserved, socio-economic situation in the region to identify some “diversity” in combination of agriculture and industry, processing and other industries in different regions and districts, is disclosed.

Key words: historical and geographical regionalization; modeling of historical processes; south-central Russia; method of expert evaluations.